

Кажется, что свобода творчества и рынок не принесли успокоения в души тех мастеров культуры, которые в годы застоя боролись с официальным искусством и отстаивали свободу самовыражения. Выйдя на просторы «гласности», лучшие из них, гонимые и непризнанные в прошлом, резко остановились и замерли в раздумьях: как остаться сегодня самим собой и удержаться на Олимпе подлинного искусства — в хаосе, нестабильности и неясности?..

— Алексей, вы не снимаете после 1985 года. Что случилось?

— Это вполне типичная и такая странная для наших режиссеров история. Парадоксальная связь свободы и искусства. Смотрите: Элем Климов, Роман Быков, Андрей Смирнов — вдруг растерялись. Ситуация свободного проникновения на экран породила перед думающими людьми новые проблемы — надо что-то сказать, и сказать современнее, интереснее, чем говорит пресса, а пресса говорит достаточно откровенно и жестко. Нужен не поступок, его от нас требовали раньше, поступок — разрешен. Значит, какой-то иной уровень искусства, иной уровень разговора? О, это очень трудно... И поэтому один за другим проекты слетели.

— То есть сегодня вы уже не испытываете это прежнее состояние атаки, протвояния?

— Надо сказать, что власти всегда приходят на помощь, и опять становится ясно, с кем и за что бороться. Мы тихо отруливаем на прежние позиции. Потеряв пять лет на игры в демократию, возвращаемся туда, откуда приехали. Только все гораздо грустнее, потому что казалось: вот она, возможность свободы, вот он, рецепт! А сейчас по демократам и антидемократам видно, что рецепта нет. Вы посмотрите, как по свистку изменились дикторы на телевидении, изменились их интонации, опять пошли привычные словосочетания, от которых только начали отвыкать. А посмотрите, как стал разговаривать маленький начальник из международного отдела в Госкино — еще недавно он был милый человек, ну, просто лучший друг, а теперь уже держит дистанцию... Идет тихое восстановление прежних норм.

— Вы не верите в силу демократических сил страны?

— Хотя все мои симпатии, как вы понимаете, принадлежат не правой диктатуре, а совершенно другим движениям, я с печалью наблюдаю и в этих движениях отсутствие культуры и озлобленность. Приходит, например, Невзоров на заседание Ленсовета. Мне не нравится Невзоров — я не намерен это скрывать. Он отличный уголовный репортер, но ему не надо быть пастырем народов. Занимаясь своей уголовной хроникой, это было хорошо, «пасти народы» можно как-то другим людям, с более широкими взглядами, крупным мировоззрением. Или вообще «пасти» не надо... Но это совершенно не значит, что следует вытаскивать его из зала заседания, закрывать камеру ладонью. Ни в какой демократической стране такое немисливо. Он пришел не в гости, не на свадьбу, не в спальню — он пришел на заседание общественного органа! И это говорит о том, что демократы, получив власть, к сожалению, повторяют те же трагические ошибки, которые совершали их предшественники.

— Сегодня политические страсти обострены. Вы за кого — за Ельцина или Горбачева? За обновленный Союз или за развал Союза?

— Я ни за кого. Я много лет находился под большим впечатлением от Горбачева и сейчас считаю, что, когда пройдет 5 или 50 лет, его роль будет переоценена и фигуру его поставят на пьедестал, он царь-освободитель. Человек пришел в Золотую орду и стал вводить демократию. Другое дело, что сегодня, оказавшись в невероятно трудном положении, он, как мне кажется, потерял руль. То, что сейчас происходит, — трагедия. Посмеиваться над этим, считать, что к власти пришел хитрец, в самом начале что-то придумавший? Нет. Он попытался отремонтировать здание, но столкнулся с такими проблемами, какие и придумать-то страшно. Его конкурент не с чем подобным пока не сталкивался, политически выдержанный, стал любим народом, ибо мы привыкли, что все в стране подкидают хвосты, а он не поджал и продолжал сражаться. В нем увидели Львиное Сердце. Это действительно сильная личность. Мне нравится, как он говорит, мне импонирует его облик, у него сильная команда. Но я всегда помню, что быть в оппозиции легче, а что касается того, быть Союзу или нет... Когда-то казалось: как сможет Англия без Индии, без Канады, без Австралии? Ну и что? По моему, теперь ей лучше, когда она не содержит все эти колонии. Я не вижу в распаде Союза трагедии. А страсти все подогреваются и подогреваются... Ну, пыталась Франция силой удержать Алжир, и что?

— Почему вы все-таки считаете, что все возвращается на круги своя?

— Процесс необратим глобально, в масштабах двух-трех столетий, а в порядке 20—30 лет он абсолютно обратим. В истории напишут: «После прогрессивных реформ Горбачева — Ельцина наступила реакция, которая продолжалась до 2015 года, а в 2015 году движение по пути прогресса возобновилось, в результате чего Россия вступила в новую фазу политического и экономического развития» — и т. д. Разве так не может быть? Может, и вполне. Жаль только, что в этой паузе — вся наша жизнь. Мелочь, конечно...

— Если даже правые и захватят власть, им нечего предложить и страну они не накормят.

— Правильно, не накормят, но можно закрутить гайки, и мы все будем говорить, что нас хорошо накормили. Можно все время показывать по телевидению Гарлем, некоторые районы Мексики и голодающий Габон. И мы будем благодарить и говорить, что живем лучше, чем там. Мы делали это все время, да и сейчас продолжаем.

— Тем более становится важен голос интеллигенции. Вот кот телевидения — это серьезная акция.

— У нас не было другого выхода. То, что творится на телевидении — я имею в виду увольнение одаренных журналистов, — творили с нами одиночке всю нашу жизнь. Когда Муратовой предложили служить уборщицей, я снимал свою картину. А когда меня наладили вон, свой фильм разрешили Климову — и т. д. Единственно правильным решением сегодня

было просто неучастие всех нас в таких играх. Но из этого ничего не вышло.

— А что такое Фонд гласности, в который вы входите?

— Это фонд защиты гласности, он создан при Союзе кинематографистов СССР, хорошее, доброе и правильное дело. Это фонд пострадавшим журналистам и их семьям — финансовая, юридическая, моральная, какая возможно помощь.

— Бойкот ТВ, фонд — нельзя сказать, что «голоса интеллигенции» совсем не слышно...

— Насчет интеллигенции я вот вам что скажу. Не верю я в ее способность

Мне осточертели политические картины, осточертело, что дешевые эстрадинки, которые не поднимались до уровня управдома, сейчас с теми же репризами играют про Берия, Сталина и про Ленина. Ведь особенно изгиляются те, кто был самым трусливым и ходил на цыпочках. То человек снимал исключительно по сценарию генерал-полковника от госбезопасности и стал народным артистом, то теперь он снимает о чудовищной доле заключенного в Советском Союзе.

Вся наша чернуха — это неоконъюнктура. Государству понадобилось продемонстрировать ужасный облик беззубых, страшных людей у пивных ларьков, с чудовищной жизнью — вот до чего мы дошли, вот какие мы ужасные, вот теперь давайте делать реформу. Когда мы в далекие времена показывали в фильмах таких людей, мы исходили совсем из другого и мы сами были совсем другими. Мы делали из этого искусство, мы жалели и любили этих людей! На Западе сейчас наш новый стиль стал чем-то

дуть смотреть на «победителей», пойдут на фильмы, «где все хорошо кончается».

— Но, может быть, появление таких людей, как Таги-заде — а о нем сейчас много говорят, пишут, — это новое экономическое мышление?

— Если бы... Мне кажется, с этими людьми мы можем связывать только конец кинематографа, смерть кино как искусства. Вы еще не слышали, как Таги-заде едет в Канн?

— Нет.
— Он посылает на каннский кинофестиваль несколько сотен человек: уже оформлены визы, паспорта. Оплачен спецрейс Москва—Ницца, потому что такого рейса во Францию просто нет, оплачена взлетно-посадочная полоса, арендован весь верх огромного дворца в Канне под прием, который будет давать Таги-заде 12 мая, — такое могут себе позволить не много людей на свете. И никакого бартера — все оплачено валютой.

— Кто из кинематографистов входит в столь представительную делега-

хия талантливые некоммерческие режиссеры.

— Ваши артфильмы главным образом рассчитаны на международные фестивали, где советские фильмы такого рода почти всегда имеют успех?

— Хотите, я вам скажу, в чем его секрет? Ни один западный продюсер не может позволить себе снять абсолютно некоммерческую картину. Мы себе это позволяем. Основной некоммерческий кинематограф — наш, советский, поэтому у нас и призы. Ведь фестивали поддерживают именно некоммерческое искусство.

А наша популярность — большая панамы, примерно такая же большая панамы, как та, что мы — родина электричества. Вот, допустим: «Фильмы Алексея Германа имели в Париже большой успех»... Сам читал. Это значит, что в Париже мой фильм «Двадцать дней без войны» посмотрели 52 тысячи человек, плюс еще его прокатало телевидение. Какой же это успех?! А я ведь был рекордсменом. Допустим, успехи последних лет во Франции действительно значительные. «Замри-умри-воскреси» — 150 тысяч зрителей, а «Такси-блюз» — по моему, даже 400 тысяч. Для нас цифры хорошие, но 400 тысяч для Вертоллуччи — полный провал. Наша популярность — на уровне разговора с американцем, который подошел ко мне и сказал: «Вы живете в Ленинграде, это очень хороший город, я знаю, я читал, до революции он назывался Одессой».

— В прошлом году вы много работали во Франции. Как складываются ваши дела на Западе?

— Нормально. Тем более что я не трепещу от желания снимать кино. Как представлю себе весь объем проблем: пленки нет, камер нет, реквизита нет, работать некому, все хотят заколачивать бабки, зарплаты низкие... Чувствую, если возьмусь за это дело, инфаркт неминуем.

— Что вы делаете для французов?

— Мне не хотелось бы пересказывать содержание сценария, который мы написали вместе с моей женой Светланой Кармалитой. Это гипотетическая история моей семьи и что могло бы случиться с нами, если бы...

Продюсер, с которым я сейчас работаю, — тринадцатый по счету. Было очень много любопытных предложений. Но я вел себя крайне глупо, иногда не понимал их, иногда обижал хороших людей, а иногда встречались жулики или просто необязательные люди. Тот, с кем я сейчас сотрудничаю, мне очень нравится, но я абсолютно не понимаю: зачем я ему? Зачем он мне, ясно: я получу то, чего катастрофически не хватает в стране, — пленку, камеры. Но зачем ему я?

— Фильм рассчитан на французскую или нашу аудиторию?

— Если фильм буду снимать я, как предлагает французская кинокомпания, то он полностью будет сниматься в России и окажется рассчитан на тех, кого я вижу перед собой. Смоделировать фильм для западного зрителя по американской схеме, как это сделал Лунгин с картиной «Такси-блюз», я не сумел. Да и не хочу. Если картина придется по душе французам — хорошо, если нет — значит, зря они вложили в меня деньги. Если я буду изначально пытаться нравиться французам, окажусь жалок, а на старости лет мне этого не хотелось бы.

— Эмиграция сегодня приняла космические размеры — уезжают все, из всех областей и сфер жизни. Если ухудшение достигнет критической точки, вы все равно останетесь?

— Ну кому я там нужен, кому?! Пока я советский человек, я там прочитал лекцию, показал свои фильмы, а так? Людей, которые там живут творчески интересно, — единицы. Среди эмигрантов в основном я видел людей закомплексованных, иных пересчитать — хватит двух рук. Американцами или европейцами они не стали, хотя живут благополучно. На самом деле повсюду — трудно, грустно и одиноко. Я очень советую посмотреть фильм в прошлом советского, а ныне американского режиссера Вориаса Фрумина «Блэк энд уайт». Это печальная история нашей эмиграции в американском обществе. Фильм об одиночестве хороших людей на земле — и сделан при этом художником, жизнь которого на Западе сложилась благополучно... Поэтому лучше, чтобы здесь было хорошо.

— У нас получилась беседа в духе времени: мрачная, чернушная и без «света в конце туннеля». Ну скажите, есть хоть немножко веры в то, что будет хорошо?

— С одной стороны, нет, потому что ничего не делается: землю не отдадут, нэп не ввели, армию не сократили — одни слова... А с другой стороны, всего три года назад я приехал из Дании и позвонил своему приятелю, очень известному нынче писателю, дабы сообщить, что целый ряд издательств на Западе разыскивает его, а Синявский назвал его прозу превосходной. Какова же была реакция? Товарищ мой испугался: «Слушай, а мне ничего тут не сделать?» Вот, сейчас смешно вспомнить. Верно? Значит, все-таки далеко мы ушли...

Беседу вела
Наталья РЮРИКОВА

Алексей ГЕРМАН:

Почему я не снимаю кино после 1985 года

к сплочению и сопротивлению. Единственно, что она умеет делать, — или пойти в лагерь, или уехать из страны. Ну, единицы способны на самосожжение. Все остальные начнут аплодировать без всяких. Я верю в отдельных представителей интеллигенции, но не в понятие, тем более что у нас 70 лет выводили ее как социальную прослойку. По истории вы, наверное, помните, что в XVIII веке ввели декрет, запрещающий порою дворян. Чтобы повлиять декабристы, понадобилось поколение непоротых. А у нас у всех битье, красные, в занозах зады, а у кого не битье, так уж те, значит, и совсем никуда не годились, даже битье не сподобились. Когда меня уничтожали, вокруг меня никого не осталось — на мой день рождения обычно собиралось по 50—60 человек, а в тот год, когда закрыли «Лапшина» (фильм «Мой друг Иван Лапшин», — Прим. ред.), позвонил всего один человек, хотя тогда уже было не страшно. Я хорошо помню: когда Нина Андреева написала свои тезисы, страшно было не то, что именно она написала, а то, как затихла вся бушевавшая интеллигенция. А потом сверху сказали, что это ошибка, и все опять заболтали... У нас есть царь, и этот царь немножко добрый и демократический, но он на интеллигенцию осерчает и некоторых выпорет, большинство непоротых попросит прощения... Вот так и будет.

Мое глубокое убеждение, что художники вообще-то заигрались. Художник и Власть никогда не должны обожать друг друга. Их функции должны быть разделены. В шахте раньше вешали клетки с канарейками, если канарейка дохла, это значило, что в шахте рудничный газ. Художник в какой-то степени — канарейка в шахте. А дружить, поддерживать или не поддерживать правительство — это не его дело. Меня устраивает формула русских критических реалистов: «мы не врачи, мы боль».

вроде японского «кабуки». Чернуха там страшно приветствуется, потому что считается: это отвага — художники выражают общественное беспокойство. А никакого беспокойства-то нет. И отваги тоже.

— Все только и говорят, что кино пребывает в глубоком кризисе, что оно умирает.

— В кошмарном, ужаснейшем кризисе! Есть такая мерзкая порода людей, которые любят повторять: «Я же говорил...» Так вот, я же говорил, выступал. Меня даже в Союзе кинематографистов на секретариате обсуждали, когда я заявил, что новая модель кино идиотская, забыто самое главное — прокат. Кинопрокат оставили в руках отставников, ничего не смыслящих в искусстве. АСКИН во главе с человеком по фамилии Таги-заде — это своеобразная реставрация прежнего партийного аппарата Госкино. Победа бывшего министра и его замов, бескровная и негромкая, уже случилась. Еще немного, и прежние начальство на белом коне примет парад вверенных ему киногарнизон...

Идет планомерное уничтожение нашего кино, и поделом ему. Мы продули ситуацию сами. Идет коммерциализация самого низкого пошиба.

— Союз кинематографистов не может спасти ситуацию?

— Союз кинематографистов сейчас очень ослаблен, он развален на много союзов: московский, эрзесфэзэровский и т. д. Энергичные люди Смирнов и Климов занимают больше политической, у Худоназарова и Разумовского просто не хватает сил. Надо «брать ружье и стрелять». Я считаю, что кино в отчаянном состоянии. Не секрет, что киностудии существуют на деньги за услуги западным фирмам. Хорошие картины сегодня просто не покупают. Нам выдержат удар в скулу от американского кино, которого люди раньше не знали — а они живут скудно, без мечты, с нарушенной психикой, нарушенными идеалами, голодными, — и невозможно. Конечно, люди пой-

дно, правда, больше похожую на десант, который собирается высадиться в Канне и захватить кинофестиваль?

— Там директора кинотеатров, начальники проката, деятели кинорынка, руководители республиканских творческих союзов, продюсеры, республиканские министры.

— Талантливый финансист?

— Да, безусловно. Но представить, что все это сделано только талантом? Я 52 года живу при Советской власти, и не морочьте мне голову. Значит, кто-то еще за этим стоит. И все это он перебрасывает из голодной, нищей страны, где нет продуктов и лекарств... Вот вам финансовая империя, в которой происходит слияние частного капитала с чем-то иным и грозным, мне неизвестным. И это не контуры будущего, это — настоящее.

— А что же кинематографисты с их активной гражданской позицией, с их непримиримостью? Где они, где их голоса?

— Может быть, это связано одно с другим? Чем больше шумят кинематографисты на съездах, конференциях, совещаниях, чем больше уходят в политику, примыкая то к одной, то к другой партии, тем спокойнее такие люди прибирают кино к рукам. Обескуражены не только мы, ошеломлены французы, которые недоумевают: каким образом из бедной, голодной страны, куда они шлют гуманитарную помощь, льются потоком такие деньги!

— Удивительно, как при таком своем пессимизме вы еще продолжаете возглавлять Мастерскую первого фильма, и, кажется, небезуспешно.

— Я люблю эту свою студию. Единственное дело, которое действительно приносит мне сейчас радость. Всякие параллелистики, перпендикулярчики... в каждой из их картин я что-то вижу, и они гораздо больше меня захватывают, чем картины моих сверстников. Наша мастерская дает возможность талантливому человеку снять первый фильм, невнятно, какая у него профессия и откуда он. Хотя в этой мастерской непросто и грустно, но это уже отдельная банальная история.

— Не плодит ли ваша мастерская безработных гениев? Вы их субсидируете, они снимают авторское, элитарное кино, а дальше они никому не нужны...

— Сейчас многие способные ребята снимают фильмы ужасов, приключения и прочее. И хотя наша мастерская некоммерческая, мы ни в коем случае не препятствуем этому. Значит, мы выпускаем человека, который будет делать фильм, за который платят. Тот, кто выбирает другой путь, пусть тоже снимает, если одарен, но должен знать: будет трудно. Ни работы, ни денег не жди. Твой выбор... К нам при-